

Н. Н. Суворов

Складки в пространстве культуры

Исследование культурного пространства нуждается в детальном и дифференцированном подходе, раскрывающем подробности процессов, происходящих в культурной среде. Таким понятием выступает складка, предложенная М. Фуко и разработанная Ж. Делёзом. Эвристическая полезность этого понятия подтверждается его использованием для объяснения процессов, происходящих в культурном пространстве. Складка дополняет исследования наглядностью и потенциальной направленностью. Благодаря складке осуществляются связи субъективности и культурной среды, участи деятельности в культурном производстве. Разнообразные развороты складчатой поверхности позволяют представить и исследовать не только главные интенции, но и различные маргиналии культурного пространства.

Ключевые слова: складка, трещина, культурное пространство, собирание, рассеивание, ценности, смыслы, произведение искусства, темпоральность, квазисубъект

Nikolaj N. Suvorov

Folds in the space of culture

The study of cultural space needs a detailed and differentiated approach that reveals the details of the processes taking place in the cultural environment. Such a concept is the fold proposed by M. Foucault and developed by J. Deleuze. The heuristic usefulness of this concept is confirmed by its use to explain the processes taking place in the cultural space. The fold complements the research with visibility and potential focus. Thanks to the fold, connections are made between subjectivity and the cultural environment, the participation of activities in cultural production. The various turns of the folded surface allow us to present and explore not only the main intentions, but also various marginalia of the cultural space.

Keywords: fold, crack, cultural space, gathering, scattering, values, meanings, work of art, temporality, quasi-object

DOI 10.30725/2619-0303-2023-3-102-106

Пространственная среда культуры пронизана артефактами, памятниками прошлого и информационными потоками. Силовые поля вторгаются в пространство, изменяют объем, создают потоки перемещения смыслоценностей. Различение культурного пространства, его множественность и строение может быть объяснено понятием: «складка культуры». Это понятие раскрывает взаимодействие внешнего и внутреннего, складчатость преломляет поверхность и вслед за ней – пространство. Понятие «складки» обладает полезной визуальностью, помогает представить отвлеченные процессы, наполнить «веществом» культуры, наметить тенденции и динамику движения. Складка плоскости характеризуется двухмерностью, но при переходе в пространство – трехмерностью. Складчатость культурного пространства создает возможность рассмотреть прошлое как подкладку будущего или, как итог прошлого, представляет оригинальность и направ-

ленность процессов, переход поверхности в пространство и, наоборот, уплощение пространственных объемов. Так подвижное пространство стиля барокко раскрывается в усложненной складчатости скульптуры, живописи и музыки, а экономность конструктивизма проявляется в лапидарной функциональности форм архитектуры, дизайна и живописи. Складки культуры обладают устойчивым направлением и особой конфигурацией, повторяя в конкретных произведениях основные черты стиля, распространяются на поверхности, характеризуют особенности менталитета, отражаются в субъекте.

Характер складок произведений соответствует складкам практической и ментальной жизни. Складчатость культурного пространства становится характеристикой неповторимого облика событий, выступает формой пространственных связей и, как следствие – взаимодействием складок. Неоднородное культурное пространство

Складки в пространстве культуры

пронизано событиями, оставляющими свои складки, меняющимися во времени. В складках фиксируется и сохраняется взаимодействие, его можно расшифровать – они как пространственный текст, содержат не только информацию, но также силовую направленность и образное выражение. Так, социальные тексты, помещенные в живописных произведениях московского концептуалиста Эрика Булатова, становятся образами пространства.

Ожидаемые или случайные события рассматриваются как складки, а их последствия предстают как продолжение складок в порталах пространства, возможность превратиться в трещины и разломы. Тогда сквозь разломы проступают иные культурные пространства, способные заместить, «заштопать» прорехи слабину и становятся со временем органической средой. Так, средневековая теология и схоластика активно использовали логику Аристотеля и философию неоплатонизма, а также другие достижения античной философии для утверждения и доказательства христианских принципов. Складчатость свидетельствует о неповторимости событий, позволяет рассматривать связь пространственных характеристик, его протяженность с проявлением темпоральности в складках времени.

Природа складки была исследована Ж. Делёзом. Комментируя сочинения М. Фуко, не сделавшего подробного описания этого феномена, Ж. Делёз анализировал понятие «складка» и в связи с этим замечал, что в складке под взаимным влиянием пересеченных поверхностей соединяются процессы повторения, различения и удваивания. Они выступают операциями по созданию подкладки любого процесса, а на самом деле также усложнением складок внутри и снаружи [1, с. 129]. Складчатость является характеристикой не только поверхности, гибкаемой в результате различных взаимодействий, но также переходом плоскости в пространство, усложнением последнего вихрями складок в различных направлениях. Культурная поверхность становится пространственной, а пространство коррелируется с поверхностью.

Подкладкой любого процесса являются именно складки, поскольку содержат в себе скрытые направления движения. Они являются собой потенциальные возможности культурных процессов и их тенденции. Характерным примером складчатой поверхности, по мысли Делёза, является книга с

возможным загибом/отрывом страниц, где каждая страница содержит неповторимое содержание. Складки не ограничены характеристикой только поверхности, но направляются в пространстве: вверх, вниз, в стороны, формируют густки, распыление, скрутки, вращаясь вокруг центров. Складки выступают характеристикой как рассеивания, так и собирания культурного пространства, направленности движения и способов складчатого скручивания под воздействием сил притяжения и отталкивания.

Классификация Делёза, по его справедливому мнению, применима к характеристике пространственных культурных структур. Но к ней, на наш взгляд, следует добавить складки субъективного опыта, как телесного, так и ментального, который оставляет за собой не только складки в культурных событиях, но также следы и шрамы, углубляющие складчатую поверхность ментальности незабываемыми переживаниями, но также преломлениями и трещинами экзистенциальной судьбы. Складки, как шрамы и трещины, способны не только свободно распространяться, но иметь различную глубину, характеризовать устойчивость, укорененность, оставаться в памяти, изменять судьбу. Шрамы/трещины способны деформировать пространство, нарушать движение устойчивых процессов, приводить к деструкции культуры. Так, значимость события определяется направленностью, глубиной и устойчивостью оставленных складок, а их пересеченность, разбросанность и прерывность свидетельствует о кризисе и возможной катастрофе, распаде на фрагменты. Направление события определяется интенциями культурного пространства – собиранием и рассеиванием, к которым оно причастно. Значительная глубина складок события способна прорвать устойчивость пространства, устремить его в новую систему с образованием новой сети складок. События способны вызывать завихрения складок культурного пространства, направлять его в произвольном направлении.

В складках пространства культуры видится проявление неповторимого и случайного. Шрамы, нанесенные социальными репрессиями, разрушают творческий процесс, становятся препятствием для создания научного или художественного произведения, создают трудности для его понимания и утверждения в культуре, меняют судьбы создателей. Следы присут-

ствия остаются как складки культурного пространства, но предыдущие складки способны изменять эти следы, направлять их ход, засыпать забвением. Отдельная складка способна стать началом дальнейшего изменения системы или точкой бифуркации, качественным преобразованием системы, стать новой «точкой» отсчета. Так, социальные и научные идеи сначала возникали в ментальном пространстве отдельной творческой личности, а затем распространялись в культурной среде и становились изменением культурной традиции, преобразуя ее или прерывая преемственность. Понятие складки, таким образом, создает возможность исследовать непосредственные связи индивидуальной судьбы с общими процессами в социуме.

Качественные изменения происходят с произведениями искусства, когда они оказываются в процессах обращения, попадают в новые складки культурного пространства. Произведение, созданное в мастерской художника, вбирает в себя складки творческих устремлений автора, художественное мастерство и талант. Готовое произведение выступает выражением индивидуального замысла и результатом независимого выбора возможностей – произведение концентрирует неповторимые складки прошлых творческих усилий, жизненного опыта, былых неудач и достижений, память размышлений, устойчивых и неожиданных новых эмоциональных состояний. Произведение может в полной мере воплотить замысел автора, вобрать и преобразить творческие усилия, но способно оказаться очередной неудачей – еще одной ступенью – складкой к будущему успеху.

Если произведение создается на заказ, то заданная идея или тема превращается в главную складку, диктует основной сюжет и влияет на ход и продолжение творческого процесса. Созданное произведение, показанное на всеобщее обозрение, подобно независимому культурному субъекту, начинает самостоятельную «жизнь» в пространстве художественной культуры. Художественно образное бытие произведения дало основание назваться «квазисубъектом»: «Это качество возникает из отождествления в художественном образе субъективного и объективного, что выразилось в его метафорической способности переносить на объекты свойства субъекта... Это позволяет нам определить художественный образ как квазисубъект...» [2, с. 256–257].

Произведения искусства в культурном пространстве становятся активными «квазисубъектами» в векторах собирания и расцеивания. Особая «жизнь» произведений полна событий, прочерченных складками отношений, определена местом пребывания: городской площадью, музеем, библиотекой, частной коллекцией или мастерской художника. Произведение способно долго существовать в культурном пространстве, но может умереть, оказаться в полном забвении, будучи слабым или не понятным. Произведение как квазисубъект, осуществляет собственную судьбу в пространстве художественной культуры. Оно вступает в воображаемый диалог в поле восприятия с читателем, зрителем, слушателем.

Произведение, попавшее в атмосферу рынка, конвертируется из символического в экономический капитал, демонстрирует иной характер складок. Чистая художественность усложняется складками субъективных интересов: спекулятивных, престижных, коммерческих, коллекционных. Теперь его символическая ценность обретает денежное выражение. Оба вида ценностей находятся в постоянном взаимодействии. Происходит значительное усложнение прежних ценностей и смыслов, пересеченных складками различных интересов и устремлений. Если символический капитал оценивался художественными достоинствами произведения, признанным авторством известного художника, нахождением в коллекции, то экономический капитал произведения искусства оценивается в иных параметрах. Для подтверждения экономической ценности необходимо произвести экспертизу: сделать необходимую реставрацию, установить происхождение и подлинность произведения, сделать профессиональную оценку, ввести в процесс продажи/покупки, определить начальную цену – выставить на аукцион или поместить в галерею. Эти действия создают вокруг произведения многообразное складчатое пространство, в котором воспроизведено обращение произведения в поле искусства, включая сюда отношения и договоры художника с галеристом, аукционером или с будущим владельцем.

Неожиданная новая складка – открывшаяся яркая деталь биографии автора или необычная творческая манера способны стать началом роста ценности и популярности, но также, в случае недоказанного авторства, может привести к катастрофе,

Складки в пространстве культуры

забвению произведения. Произведение искусства – это арена борьбы между собственными художественными качествами и авторитетом автора, его местом в поле искусства. Положение автора, как правило, перетягивает все остальные достоинства, которые способен видеть зритель. Поэтому после беглого осмотра произведения читается «шилдьик» с именем художника. После того когда авторство установлено, формируется итоговый образ и окончательная оценка.

Индивидуальный узор складок отличает личность, накладывающей свой образ на любой результат субъективной деятельности, «отпечатывается» как форма неповторимого участия. Данный отпечаток способен сохранять первоначальные складки, их оригинальность. По ним можно распознать первоисточник, подобно тому, как детектив, проводящий расследование, раскрывает преступление по открывшимся уликам. Подобно тому, как любой почерк является оригинальным и индивидуальным, так и неповторимый рисунок складок, оставленный субъектом, становится «авторским свидетельством» неповторимого культурного пространства.

Исследуя строение субъективности и развивая теорию складки Ж. Делёз, предложил рассматривать четыре «складчатые зоны»: первая касается материального компонента – это «тело и его удовольствия», складки памятных радостей. Добавим от себя также: тело и его страдания – складки травм, ставших памятью тела; вторая складка выражает совокупность сил субъекта и отношение к самому себе – назовем это самооценкой и самосознанием; третья складка есть складка знания, или складка истины, поскольку она образует отношение истинного к нашей сущности и нашей сущности к истине, которая представляет собой формальное условие для всякого знания, для любого познания; четвертая складка – «интериорность ожидания» является складкой самого внешнего: субъект «выворачивается» от повседневности навстречу смерти и бессмертию, спасению и свободе, размышлениям о целях собственной жизни. «Складки эти в высшей степени изменчивы, существуют в разных ритмах, а их вариации образуют неразложимые модусы субъективации» [1, с. 137]. По-видимому, эти складчатые зоны субъективности, отмеченные Делёзом, следует дополнить внешними складками, идущими

от других субъектов, пересекающими или поддерживающими, а также складками, движущимися из общего культурного пространства. Таким образом, субъективация становится итогом производства субъективности и возникает на пересечении внутренних и внешних складок.

Исследование ритма и расположения складок применимо к особенностям субъективного культурного, социального, художественного и психологического пространств. Складки фиксируют расширение и усложнение пространства, расходясь и сужаясь по исходной поверхности, складываясь и расправляясь. Складки изгибают субъекта сообразно его ценностным и интеллектуальным ориентациям, а также прогибают власть, имеющую главную направленность – подчинять делом, словом и мыслью.

Борьба за субъективность принимает вид осуществления права на несходство и вариативность – оригинальную складчатость – визуальную вогнутость и выпуклость, проявления которой выступают либо в тени пассивной маргинальности, скрытой индивидуальной жизни, либо демонстрируют себя на освещенной стороне социальной активности. Субъект каждый раз творится заново, его неповторимость, как очаг потенциального рессентимента, осуществляет деятельность сообразно расположению складок. Складки субъективности переносятся в культурное пространство, формируют набросок оригинального освоения – картину мира, но также образуют неповторимый облик субъекта, отмечаясь не только биографией – событиями и происшествиями жизни, но морщинами на лице, рубцами на теле, линиями судьбы на ладони, тембром голоса, манерой поведения.

Культурное пространство, по словам Хайдеггера, превращается в предмет представления в зоне присутствия и, тем самым, лишается бытия [3, с. 77]. Природная среда открывается в субъекте. Воображаемое в культуре и его опредмеченное присутствие отодвигают первозданное бытие, превращают его в раму, окантовку события. Воображаемое пространство культуры набрасывает свою сеть складок на реальность, усложняя общий узор субъективной картиной мира. Складчатая поверхность интересубъективности направляет и фиксирует динамику, определяет темпы и скорость изменений культурного пространства, качественную специфику и направленность основных интенций – собирания и рассеивания.

Исследование культурной среды артикулируется в концептах и воображаемых моделях индивидуального сознания, стремящегося сформировать устойчивое представление об исторической эпохе. Такие концепты и воображаемые модели способны выступать в виде групповых представлений, определяющих стиль времени, образ мышления и поведения, что было свойственно, например, гуманистам итальянского Возрождения [4]. Собранный объем ценностной и смысловой информации концентрируется в воображаемом пространстве отдельных экзистенций, закрепляется в созданных нарративах, текстах и произведениях искусства, но также способен распределяться во множестве иных интеллектуальных пространств, находящихся в коммуникативной близости и определять стили эпох. Например, стили Людовика XVI, елизаветинское барокко, русский Серебряный век. Определенность исторических эпох характеризуется эпистемами и особыми чертами собственных культурных пространств. Культурное пространство – это бурлящая среда, в которой не всегда ясно выявлены основные течения. Культурные ориентации способны гибко приспосабливаться к актуальным направлениям мысли, изменяться под натиском социальных событий, попадать под влияние модных идей и авторов актуальных нарративов. Пространство культуры выстраивается по контурам силовых линий, начинаясь в базовых этнических и исторических основаниях, колеблясь в силовых притяжениях памятников культуры

и общего состояния поля, наконец, преломляясь в культурном пространстве субъективного. Процесс субъективации, перевод культурного пространства в субъективную ментальность происходит как процесс складывания – увеличение складчатости, втискивание смыслов в субъективное пространство, выгибание и выворачивание содержания по меркам субъекта. Переоценка ценностей и переосмысление смыслов меняют направление, величину и глубину складок. Новые смыслоценности притягиваются в центры собирания и рассеивания.

Список литературы

1. Делёз Ж. Фуко. Москва. Изд-во гуманитар. лит., 1998. 171 с.
2. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. 415 с.
3. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступления. Санкт-Петербург: Наука. 2007. С. 58–86.
4. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. Москва: Наука. 1989. 270 с.

References

1. Deleuze J. Foucault. Moscow: Publ. house humanitarian lit., 1998. 171 (in Russ.).
2. Kagan M. S. Philosophy of culture. Saint-Petersburg: Petropolis, 1996. 415 (in Russ.).
3. Heidegger M. The time of the picture of the world. Heidegger M. Time and being: art. and speeches. Saint-Petersburg: Nauka, 2007. 58–86 (in Russ.).
4. Batkin L. M. Italian Renaissance in search of individuality. Moscow: Nauka, 1989. 270 (in Russ.).